

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) 11-ое Н о я б р я.
- 2) О Сакко и Ваизетти.
- 3) Ч е т ы р е г о д а. а
- 4) Н о в о е Б о р о д и н о.
- 5) Малатеста на суде.
- 6) Революционное меньшинство.
- 7) Б е з р а б о т н ы й.
- 8) Заявление Ред. Коллегии. .
- 9) Любовь к родине.
- 10) Открой глаза, товарищ!
- 11) Возражение Анархизму.
- 12) Заявление осужден. на суде.
- 13) К о р р е с п о н д е н ц и и.
 - а) Письмо из Парижа.
 - б) О Том о Сем.
- 14) Отчеты и Заявления.

11-ОЕ Н О Я Б Р Я.

Хмурое, унылое, окутанное в серый туман, сквозь грустную картину осени, в тридцать четвертый раз приближается одиннадцатое ноября... Да, в тридцать четвертый раз после того, как были зверски убиты наши дорогие товарищи: Парсон, Шпис, Фишер, Энгель и Линг.

Только пять?.....

О, нет! Их много! Их не сочтешь! Весь путь, пройденный обществом, усеян ими! Как яркие звезды в безоблачную ночь, сияют их имена на протяжении всей истории.

Но пять, засветившихся 11-го ноября, 1887 г., звезд, особенно яркие на фоне американской истории. Ни тучи, ни мрак.— не могут заслонить света этих ярко-пылающих звезд. В самую бурную, в самую грязную и ненастную ночь, они горят и светят бездольному рабочему путь к великому солнцу Свободы..

11-го ноября 1887 г., в 11 час. 50 м., в большом дворе чикагской тюрьмы, повисли на перекладине четыре человека, а пятый из них, не задолго перед тем, не желая покорно переносить последний акт насилия, разможил себе голову, закулив начиненную взрывчатым веществом сигару.

За что же они погибли? В чем их преступление? За что их убили?— За грабеж?... за убийство?... за обман?....

О, нет! За правду! за свет! за волю! за хлеб! за свободу!— вот в чем заключается их вина! Их убили за то, что они не могли молчать, видя голод и муки с одной стороны, богатства и роскошь.— с другой. За то, что они указывали рабочим, что виновником нужд и страданий общества является капитал. За то, что они были непримиримые враги насилия и рабства. За то, что они были искренние друзья Воли и Света. За это их убили!

Буржуазия не могла терпеть этих гордых и отважных сеятелей правды. Буржуазии желательны покорные рабы, безропотно тащащие на плечах позорную ношу рабства; или жалкие, продажные душонки, за тридцать сребреников кнутающие рабочих. Таких буржуазия желает! С некоторыми же рабами, или людьми любящими истину, буржуазия не церемонится: счет у ней с ними короток. "Смерть!" — ответ буржуазии таким людям. Смертью ответила буржуазия и Лингу, Парсону, Шпису, Энгелю и Фишеру.

Смертью этих пятерых неустрашимых борцов буржуазия метила в самое сердце свободы. Убийством этих невинных людей она рассчитывала убить свободу. Однако, расчет буржуазии не оправдался! Смертью Парсона, Фишера, Шписа, Энгеля и Линга, буржуазия лишь глубже вонзила свое копьё в тело свободы, но свобода осталась жива. Израненная, поруганная и окровавленная, она живет и готовит день правосудия. Страшен будет этот день! В первую очередь, в этот день, будет отомщено за невинную кровь Линга, Фишера, Парсона, Шписа и Энгеля. Смерть этих пятерых мучеников никогда не забудется и не простится врагам свободы. Память о них, будет переходить из рода в род и всегда будет свежа и юна.

Время бежит. Тридцать четвертый год заканчивается, со дня последнего акта "Чикагской Драмы". Тридцать четвертый раз история проходит момент, в который были убиты наши товарищи. Тридцать четвертый раз указывается, что и в истории американского рабочего движения есть светлые страницы.. Глядя на эти страницы, грешно говорить, без исключения, о революционной отсталости американского рабочего движения, об отчужденно-

сти бунтарского духа американской натуре. Имена пятерых мучеников свидетельствуют о том, что и на американской почве классовой борьбы, могут родиться доблестные борцы за рабочее дело. Стойкость, бодрость, отвага и не поколебимость этих пятерых борцов, вечной славой покрыла, принимающих участие в революционном деле, американских рабочих. "Или жить свободно, или никак не жить" — в таком смысле писали из тюрьмы заключенные тем людям, которые хлопотали об их освобождении.

"Мы не преступники и не можем просить прощения" — говорили они.

Сколько красоты, сколько твердости, сколько революционной гордости и правды в этих словах!

Но жить свободно им не пришлось, а пришлось умереть. И они умерли оглашая воздух громким: "Да здравствует Анархия!"

Да здравствует Анархия! прорезывал холодный осенний воздух, неслось 11-го ноября 1887 г., с большого двора чикагской тюрьмы, пока жестокая рука палача, не закрыла уст отважным борцам за свободу. Четырнадцать минут, говорит историк, качались в воздухе, в предсмертной агонии тела четырех человек (Линг в то время был уже мертв), на радость палачам, законникам и всей черной рати торжественно облизовавшейся от удовольствий, глядя на конвульсивные судороги четырех человек. Четырнадцать длительных, тяжелых минут борцы жизни со смертью.....

а в это время в одном из тюремных застенков, как птичка в клетке, билась пришибленная горем женщина с маленькими детьми, которую не допустили в последний раз взглянуть на еще живого дорогого ей человека.

Какая низость, какая пошлость, какая трусость? Слабой бессильной, беспомощной женщине не дозволить в последний раз обнять горячо — любимого человека!

Кончилось... Трупы сняли и отдали родственникам. На те, мол, потешайтесь или, полюбуйтесь на их, целуйте их, оплакивайте их, — теперь они ваши, теперь они нам не нужны, теперь они нам не страшны... Ха, ха, ха! — ликовала буржуазия, с диким рвением принимаясь снов давить рабочих.

"Ликуйте, тираны, ликуйте!" — откликалось эхо из гробов убитых. "Наше молчание в гробу делает больше голоса, который вы задушили!"

Мы знаем, что молчание наших дорогих товарищей, уже 34 г. находящихся в гробу, сделало больше, чем их голос, который был задушен жестокой рукой капитала.

В день 11-го Ноября рабочие всех стран, вспоминают своих подло-убитых товарищей, и, живя их болью и муками, с еще большей энергией стремятся разрушить этот строй насилия и лжи. Будем верить, что наступившее время кризиса, всколыхнут американское рабочее движение, как всколыхнули они в 1887 г.

Будем верить и содействовать.

А—в.

— 0 —

О САККО И ВАНЗЕТТИ.

11-го Ноября 1887-го года, разыгралась ужасная драма классовой борьбы, вечной борьбы угнетенных против угнетателей, в которой, под жестокой, кровавой рукой палачей капитализма, пали пять доблестных наших това-

рищей: Линг (покончивший самоубийством в тюрьме за день до казни, не желая отдаться в руки палачей), Парсон, Эннтель, Шпис и Фишер. Позорное, нелепое обвинение против них не имело оснований, ибо бомба, брошен-

ная в взвод полиции при разгоне собрания безработных в Чикаго, была делом одного, и до сих пор не выясненного лица, а отнюдь не пяти, но волна голодных забастовок безработных была слишком страшна для буржуазии, и перед ней стоял вопрос: или диктатура-террора, или же уступки — для спасения своего благополучия. Они выбрали первое... Они выбрали самых сильных, самых преданных рабочему движению товарищей и, несмотря на протесты американских рабочих, не обращая внимания на негодование интернационального пролетариата, — зверски задушили их при помощи палача и веревки.

Устранение с пути более способных, более преданных руководителей и работников освободительного движения — обычный метод капитализма. Смертная казнь, пытки инквизиции (знаменитое *Third degree*), тюрьма, избиения и депортации — все практикуется ими.

В памяти рабочих еще свежо дело Тома Муни, отважного и деятельного работника в профессиональном движении Сан-Франциско, которого противная сторона, капиталисты, при помощи подкупленных ложных свидетелей из подонков общества (проституток и шулеров), посредством всегда покорного им слуги-суда, — присудили к смертной казни за брошенную им, якобы, бомбу в “Подготовительный” (к бойне) парад в Сан-Франциско, в Июле 1916 года. Выяснение защиты факта фактов и подкупа свидетелей прокурором Фикертом, всей ложной процедуры суда — ничто не могло повлиять на обнаглевшее “правосудие”; и лишь дружный протест и угрозы рабочих всех стран заставили слуг капитализма попятиться в страхе от уготованного кровавого пира и заменить смертный приговор пожизненным заключением. Тов. Муни сидит в тюрьме однако и по сие время, несмотря на доказанную и очевидную, по признанию самих судей, даже, ложь обвинения.

Так хочет ненасытный Молох! Таких, как Муни, сотни и тысячи товарищей в этой стране и во всех других, хотя в других странах и была “амнистия.”

Протест Евг. Дэбса против милитаризма,

которым держится и дышит капитализм, навлекая гнев правительства и его хозяев; и старый, седой, сгорбленный старец все еще сидит в тюрьме Атланты. Революционный подъем и освободительные идеи в среде русской колонии, в связи с российской революцией, угрожали благополучию привилегированных классов, заражая своим энтузиазмом малоподвижные слои американского трудового населения, — и их депортировали.

Так поступают все правительства, включая и “революционное” правительство России, которое, устами Ленина, предлагает депортировать из пределов России единственных истинных революционеров — Анархистов.

В настоящее время перед глазами света разыгрывается гнуснейшая комедия суда жестокая нравственная казнь (в ожидании физической) над двумя нашими товарищами Анархистами, попавшими в хищные лапы апокалипсического зверя — “Правосудия” (какая жестокая ирония, называть правосудием эту хитрую, податливую сильным мира сего, продажную, протитирующую все правдивое, частное и чистое в человеке — машину-суд).

Никкола Сакко и Бартоломео Ванзетти, иммигрировав в поисках лучшей жизни из Италии в Америку, были обыкновенными рабочими, которые, благодаря своему большому развитию, естественно, старались поднять уровень сознания своих итальянских собратьев, пропагандируя идеи свободы и помогая организации трудящихся. После ареста Андреа Салсидо и Роберто Эли и их обвинения, они деятельно и неустанно работали, агитируя и собирая фонд для защиты осужденных товарищей.

Незадолго до ареста Сакко и Ванзетти, Салсидо или сам выбросился, не выдержав истязаний сыщиков, или же был выпихнут ими с 14-го этажа, из комнаты сыскного отделения, в Парк Ров Блдж., в Нью Йорке., а Эли, немного позднее, еле живой, был депортирован в Италию. Не довольствуясь смертью Салсидо, наемные убийцы захватили в свои сети 5-го мая, 1920-го года Сакко и Ванзетти, обвиняя их в убийстве (они еще раньше пре-

бывали обвинить обоих в грабеже, но были бессильны что-либо сделать и ложно, вопреки показаниям свидетелей, обвинили одного Ванзетти только) артельщика и стражника и захвате 13-ти тысяч долларов в городе Саут Брайнтон, Масс., 15-го апреля, 1920-го года. Ни один свидетель обвинения не мог опознать обвиняемых, за исключением двух, которые, колеблясь, заявили: 1) "Я думаю, что это тот человек." и 2) "Я чувствую так, но я может быть ошибаюсь": в то время, как со стороны защиты были свидетели, обыватели тех городков, где жили и работали Сакко и Ванзетти, которые представили неоспоримое алиби обоих. Сакко работал на сапожной фабрике в гор. Стофтоне, зарабатывая, благодаря своему проворству и искусству, иногда до 26-ти долл. в день и имел около 1500 дол. сбережений, и по характеру спокойный и миролюбивый едва ли был способен на убийство, вообще; Ванзетти же был занят развозом по домам в гор. Плимуте.

Все обвинение представлялось ничем иным, как попыткой властей избавиться от двух деятельных революционных агитаторов, которых, выбранные судом, буржуазно-мещанские присяжные присудили к смертной казни потому лишь, что, как революционеры и антимилитаристы, они были против войны и не регистрировались даже в горячую пору военщины, оскорбив затем патриотизм стопроцентных янки, своим "непочтительным" отношением к буржуазным институтам Америки, потому, что они — радикалы и, что много хуже, — иностранцы. Продажный суд в Дедхаме, Масс. вынес им смертный приговор.

По всему миру раздался измученный го-

лос протеста из-за застенка тюрьмы: Мы не боимся смерти, но мы невинны! Как молния пронеслась ужасная весть о том, что новые жертвы капитала, обречены на смерть, о новом покушении задавить всякие революционные попытки рабочих к освобождению — и интернациональная солидарность рабочих была пробуждена. Громкие протесты негодования, требования немедленного освобождения и вымученные угрозы раздались по всему свету: во Франции рабочие собирают средства для защиты и грозят американскому правительству, в лице его представителя в Париже; в Италии грандиозные собрания, демонстрации и угрозы забастовки заставляют дрожать правительство, Италии и давить на своего зарвавшегося собрата-хищника, правительство Америки; в Германии, в Южной Америке, на Гавайских островах — всюду раздается голос протеста. И это заставило мерзких убийц отложить убийство и снова разыграть комедию суда: дело будет пересмотрено 1-го Декабря.

Товарищи рабочие Америки! — на вас ляжет позорное пятно еще новых жертв гнетущего вас капитализма. Вы, своим безучастным отношением, покажете, что вы, безвольные рабы, достойных лишь сожаления и презрения.

Восстаньте же против вопиющей несправедливости; выходите на улицу и посмотрите какую огромную силу вы представляете; бастуйте; начинайте революцию; разбейте оковы капитала и власти! Этим вы спасете Сакко и Ванзетти, этим вы спасете всех заключенных в тюрьмах товарищей, борцов за свободу, этим мы предотвратим новые жертвы. — посредством народной массовой революции мы освободим себя и других.

ЧЕТЫРЕ ГОДА.

"Что может быть для революционера печальнее вида веселящегося народа, обманутого обещанием свободы?" — из "Х. и В."

Седьмого ноября кончилось ровно четыре

года, как в России весь угнетенный и обездоленный люд восстал на защиту своих прав на жизнь.

Четыре года, как российские рабочие порвали, казалось, последние цепи рабства и эк-

сплошности.

Четыре года исполнилось, как российское трудовое население начало разрушать все старое, вредное для человеческого прогресса, все преграды, которые стояли на пути к свободе. В этот день, русские рабочие и крестьяне, сомкнутыми рядами, с оружием в руках, довершили мартовскую революцию, оказавшуюся под контролем буржуазии.

7-го Ноября, 1917-го г., смело и отважно шли и брали последние цитадели буржуазного строя.

Борьба происходила повсеместно: город за городом, село за селом, деревня за деревней, некоторые после упорного боя и многих жертв, а некоторые без боя сдавались новому революционному порядку. Все институты старого строя один за другим падали перед напором революционеров. Все столпы царского и временного правительства падали; помещики, чиновники, капиталисты, кулаки, попы бежали в испуге от гнева восставшего народа, дабы не быть раздавленными, как гады, в момент разгара страстей. Царство произвола; царство капиталистов, чиновников и попов; строй неравенства, обмана и грабежа — сменились миром труда и справедливости.

Не успело знамя труда водвориться, в России как, со всех сторон, иностранные шакалы окружили ее, чтобы не дать разгореться гораздо ярче, пламени Социальной Революции. Буржуазия всего мира окружила “цивилизованными” “штыками Россию, не давая знать миру, что происходит и как обстоит дело в этом горниле революции, откуда искры революции могли — бы разнестись в ближайшие страны, а потом и по всему миру. В это столь тяжелое время, в других странах, рабочие, захваченные врасплох, не знали, что делать, кому пособить и кого бить. Как и следовало ожидать, убаюканные своими продажными “вождями,” рабочие других стран не скоро пришли на помощь борющимся русским братьям и вся тяжесть борьбы пала на плечи революционного пролетариата России. Он дрался за свободу всего угнетенного и обездоленного человечества, а не только за свою, он дрался и призы-

вал на бой обездоленный пролетариат всего мира со своими злейшими врагами — властью и капиталом. Голодный, он дрался не чувствуя голода! В лохмотьях, он дрался не чувствуя холода! У него одна нога была в сапоге или в лапте, а другая завернута в тряпки, — он дрался не чувствуя всех тех недостатков и тяжестей при которых ему, обездоленному, приходилось бороться; борьбе не было видно конца. Не так легко было отразить иностранную тиранию, ибо приходилось же бороться внутри, со своими старыми врагами, царистами, которые, увидя столь большую помощь со стороны “антанты”, начали высовывать свои головы и становиться во главе той армии, что пришла “спасать культуру” от варваров-большевиков. Все эти “спасители” (коих только русскому народу не пришлось гнать прочь), со своими медвежьими услугами вскоре начали убивать: одни, навсегда, бесславно поражены революцией, другие, спасая свою шкуру, поспешно ретировались лишь-бы удрать от народного гнева. Народ дрался, чувствуя за собою правоту и мощную силу, которая толкала его в бой за свободу, довольство и счастье всех; он шел отважно потому, что верил в свою победу, он шел бодро потому, что хотел свободы, и идя клялся, чтобы побежденным не воротиться, он шел на смертный бой и вызывал всех своих угнетателей “на последний и решительный бой”. Кто смог идти на фронт — тот был там, а кто не мог — тот перестраивал внутреннюю жизнь так, как ему и всем было выгодней и удобней устроиться для того, чтобы жить, — жить и наслаждаться. Зародились советы вначале революции, в которые каждая деревня, каждый город выбирали и посылали своего представителя, ответственного пред пославшими его. Всероссийские, рабочие и крестьянские советы в то время представляли собой ничто иное, как исполнительные органы народной воли. Но кому-то это не нравилось. Не нравились советы, не нравились и те комитеты, которые заложены были во всех индустриях и которые функционировали до тех пор, пока властвующая партия, большевики, не наложили свои на них

цепкие руки. Наложить-же свою руку на все, сразу она (правящая партия) не сумела, да и боялась, и для этого она прибегла к капиталистическому методу — подкупу.

Передовых рабочих частью подкупили, поставив на более лучшую должность, с большим пайком и большим жалованьем (конечно не всех удавалось подкупить), а тех которых не возможно было подкупить, то с ними расправились впоследствии, расстреливая, избивая и сажая в тюрьмы. И в настоящее время, все ответственные места, заняты не wybranнми, а “назначенными” сверху. Все проф. союзы оказались просеянными “чекой”, точно через сито, и все не покорные и инакомыслящие объявлялись контр-революционерами и отправлялись в “роскошную” социалистическую тюрьму.

Спустя четыре года после зарождения советов и фабричных комитетов, от них остались одни пустые бессодержательные слова. Казалось-бы, пробивши брешь самодержавия и капитализма, не возможно было ожидать то, что на самом деле мы видим в настоящее время. Народ сражался, думал и мечтал быть свободным и довольным. Но не тут-то было! Радость и бодрость революционного подъема сменилась разочарованием, когда, возвратясь домой со своих позиций, он увидел то же старое и не приглядное, но перекрашенное лишь кое-где в бледно-красный цвет. На место царя — Ленин, на место министров — комиссары, на место царской охраны “Чекисты”. Получилась разница та, что к каждому слову — оказалась приставка товарищ: тов. комиссар, тов. урядник, тов. шпион, но сущность осталась старой... Рабочему и крестьянину не полегчало от переставки и добавки слов, он как был подневольным рабом, так и остался таким по настоящее время. Крестьянину и рабочему не — коммунисту нет доступа ни к чему, а есть опасение попасть под надзор знаменитой “че-ки”, которая орудует так, как ей заблагорасудится, кося “на-лево” и “на-право.” Большевицкая партия, мечтавшая столь долгое время как-бы захватить правление, — в конце концов дождалась.

Со взрывом революции, когда народ и все революционные течения подняли лозунг; “Вся власть советам” — большевики подхватили этот крик увидя революционное настроение в массах, и, став во главе революции они медленно, но умело начали накладывать свой “революционный намордник” на народ, чтобы удержать его и не дать перешагнуть ихней границы и их намеченной программы не выходя в открытую, чувствуя себя еще слабыми. Но прошло некоторое время и правящая партия, почувствовав себя крепко сидящей на троне централизованного государства, сделала то, на деле, что когда-то мечтала, находясь отдаленной от власти. “То, что характеризовало нашу партию почти с первого же периода революции, это уверенность в том, что она дальнейшей логикой событий будет приведена к власти”, — писал Троцкий в своей книге “К Истории Октябрьской Революции.” Со всеми инакомыслящими она начала расправляться так, как это было ей выгодно для того чтобы пребывать у руля правления. Против своих идейных противников — анархистов особенно анархистов коммунистов, они приняли такие методы каких история не запомнит во время самых жестоких тираний, не давая издавать ни газет ни журналов, громила клубы всех анархических течений, отдельных товарищей брала с работы, с улицы из дому, с постели, и избивали до полусмерти, и после отправляли в тюрьму, при чем единственной заботой социалистических жандармов было то, чтобы арестованный не помер на их руках. Все избиения и “варфоломеевские ночи” не убили духа бунтаря, духа свободника, а на оборот: вызывает еще больше брожение в массах, даже тех, которые совсем были в стороне от идеи свободы — идеи анархизма. Все пытки и издевательства, которые употребляются против анархистов в России в настоящее время пробуждают всех честно мыслящих людей. Сознание в массах растет и народ начинает понимать анархистов, что они. — свободники, которые за свободу шли и идут на смерть, не страшась оставить этот мир во имя справедливости и за право на лучшую долю

дать в сети наставления разными проходим-формы не осуществят равенства, а без равенства и не быть обманутыми, в будущем, нужно понять и сознать, что обещание других, что либо сделать для народа — пустое и ничего не стоящее слово.

Обещал царь свободу — и народ получил вместо свободы пулю. Обещал Керенский земной рай — но ничего не дал; а народ сам забрал землю и фабрики. Обещали большевики все отдать — и вместо всего дали “чеку” для революционеров и палочную дисциплину для трудящихся. Должен ли народ ожидать исполнения обещаний и реформ? Нет! Все обещания и реформы будут до тех пор, пока человечество не сознает, что оно разделено на два непримиримо-враждебных класса: угнетателей и угнетенных, правителей и управляемых, господ и рабов, бедных и богатых. Сознавши эту разницу, человечество поймет, что в обещаниях кроется ложь и обман, что ре-

формы не осуществят равенства, а без равенства нет свободы. По заявлению самого Ленина об отступлении от коммунизма и о введении в России капитализма, можно судить на сколько успела революция в России при революционном” правительстве.. Все соглашения с иностранными капиталистами, которых они так призывают в Россию и которым щедро раздают концессии, и закрытие границ для рабочих доказывают то, что всякие правительства какие-бы ни были: революционные или реакционные скорей сговорятся меж собой, нежели с рабочими. Все правительства, реформы и обещания — только тормоз освободительного движения. Только восприняв идею **Анархии**, человечество может быть свободным и счастливым. **Анархизм** ведет к свободе, **коммунизм** — к довольству, а поэтому мы и должны стремиться к **Анархизму** — **Коммунизму**.

Икс.

— 0 —

НОВОЕ БОРОДИНО.

“Скажи ка, дядя, ведь не даорм,
Жизнь, говорят нам, в мире старом,

Была не жизнь, а ад.

Знать и суровые законы

Стерegli царей да троны;

Недаром, вы, Наполеоны,

Дрались у баррикад?”

— Да, тяжкое то было время,

Насилия лихого бремя,

Давило люд к земле.

Шипя змеею, кнут взвивался

И над свободой издевался;

Стонал весь мир и задыхался

В невежественной мгле.

Мы долго мучились, терпели,

С огнем в душе за мир болели

И местью дух роптал:

Чем мы являемся в сем мире?

Чтоб в золотой вампир порфире

На теле нашем рану шире

Когтями раздирал?

Но вот настал час долгожданный:

На суд тебя, буржуй поганый,

Зовем! — Раздался клич.

И стар и млад вмиг ополчался,

Довольно, чай уж, настрадался!

Блестя достоинством, поднялся,

Народной мести бич.

Придав окраску виду злую,

Всяк думал :— укажу буржую

Дорогу я к мощам.
 За то, что скованных цепями,
 В крови, тернистыми тропами,
 Как скот, огромными толпами,
 Нас гнали к палачам,
 Два дня прошло, как мы восстали,
 Чинов полиции сметали,
 Как ненавистный хлам.
 Испивши ощущений скверных
 Трясаясь в усилиях чрезмерных;
 Буржуи армию псов верных
 Собрав, погнали к нам.
 Но не дремало наше око,
 Мы приготовились жестоко
 Приветствовать врагов.
 Коль им еще поганым мало,
 Так мы дадим уж до отвала,
 Из чистой стали и металла
 Всем щей и пирогов.
 Нам только солнце засветилось
 И не дадим, чтоб вновь закрылось,
 Чтоб свет наш не сиял!...
 Полковник нашего народа —
 Всем Братство, Равенство, Свобода!
 Вот вождь наш!! Вождь и воевода —
 И щит и идеал.
 Один лишь он могуч и бравый,
 Ведет нас гордо в бой кровавый
 С защитниками тьмы.
 Его лишь лик среди нас витает,
 Нам путь к победе освещает
 И Хлеб и Волю нам вещает,
 За что горою мы.
 Настал денек! Из мрачной тучи,
 Зловонной буржуазной кучи,

Послышались шаги.
 Вот поп с крестом и божьим духом,
 Буржуй с огромным, толстым брюхом,
 Палач, в руке с большим обухом, —
 Народа все враги;
 Сомкнулись тесной, темной ратью,
 Чтоб вновь жестокому проклятью,
 Надойго люд продать.
 Вскипел последний бой кровавый,
 Ослаб заметно фланг наш правый.
 Заметив это враг лукавый
 Туда надвинул рать.
 И долго там кипела битва
 И штык и острый меч, как бритва,
 Из тел создали вал.
 Минута участи настала,
 Один удар — и наша взяла,
 И черный штандарт идеала
 В бою торжествовал.
 Смешались вражеские силы,
 Укрыться все они спешили
 От правды и суда.
 Не поздно, слава уж гудела,
 Что люд рабочий стал у дела.
 Врагу в глаза везде глядела,
 Иль смерть-иль часть труда.
 Да, тяжкое то было время,
 Насилия лихого бремя,
 Давило всех людей.
 Шипя змеею, кнут взвивался,
 Рабочий часто избивался,
 Смолой и дегтем обливался,
 За знание идей!

Автономов.

МАЛАТЕСТА НА СУДЕ.

Классовая борьба или классовая ненависть?

“Народ” или “Пролетариат”?

Я определенно высказал перед судьями Милана некоторые вещи по поводу классовой борьбы и пролетариата, которые подняли ряд

критицизма и удивления.

Благоразумно будет просмотреть это еще раз.

Я негодуя протестовал против обвинения, что я провоцировал народ к ненависти.

Я заявил, что в своей пропаганде я всегда старался доказать, что общественное зло не всегда является, благодаря порочности тех или иных буржуев, того или иного правителя или же какого бы то не было учреждения буржуазии и правительства, и, что мы не можем исправить положение вещей простой переменой наших правителей, а вместо этого нам необходимо будет уничтожить сам принцип правления человека над человеком. Я дальше говорил, что я всегда настаивал на том факте, что сами рабочие не лучше, чем буржуа; это доказано опытом, что когда рабочий имеет возможность достигнуть положения богатства и власти, он обыкновенно ведет себя также, как и любой буржуа, а иногда даже хуже.

Эти заявления были изменены и переделаны буржуазной прессой, и мы прекрасно понимаем причину этого.

Желтая пресса для того, чтобы защищать интересы полиции, и барышников, как официальный долг, должна скрывать от масс существование анархизма, и старается оправдать те легенды, что, мол, анархист есть тот, который всех ненавидит и все разрушает. Конечно, продажная пресса считает это своей официальной обязанностью но мы должны признать, что часто она поступает так в уверенности своей правоты, иногда благодаря власти, а иногда, просто, по невежеству. Стех пор, как журнализм, который был сначала миссией, унизились до степени промысла и торгашества, журналисты потеряли не только простое чувство морали, но также и интеллектуальную честь, которая заключается, разумеется, не высказывали тех вещей, о которых мы не имеем ни какого понятия.

Отбросим в сторону всех продажных писак и поговорим лучше о тех, которые, хотя и разнятся с нами в идеях, или очень часто только в выражениях их, тем не менее, остаются нашими друзьями по той простой причине, что они искренно стремятся к той же цели, что и мы. Удивляться таким людям совершенно несправедливо, так как я мог бы верить, что это до некоторой степени притворство.

Они не могут игнорировать, что это есть

то же самое о чем я писал и говорил более 50 лет и оно было сказано и повторялось сотнями и тысячами анархистов, кроме меня.

Не лучше ли будет нам поговорить о полемике.

Есть либералы, которые верят, что простой факт, иметь мозолистые руки, уже есть священное дело всех заслуг и добродетелей, и протестуют против каждого, кто дерзнет говорить о людях и человечестве не поклявшись предварительно святым именем, пролетариата.

Совершенно верно, что история делается пролетариатом, и те, что берутся, за такой общественный строй в котором все люди должны быть равны и свободны, и снабжены всеми средствами для непользования, их свободы; а также и главное орудие общественного переустройства, должны будут поддержаны преимущественно пролетариатом.

Так как скопление естественных богатств и капитала, который был создан рабочими прошлых и настоящего поколений, и сегодня является главной причиной, подчинения масс, а также, всех общественных зол, вполне естественно, что те, которые ничего не имеют и потому непосредственно и более очевидно, заинтересованы в социализации всех средств производства, должны быть главными участниками необходимой экспроприации. По этой причине, мы и ведем нашу пропаганду, исключительно, среди рабочих, которые с своей стороны, благодаря условиям, в каковых они находятся, очень часто в состоянии подняться, посредством глубокого обдумывания и изучения, к пониманию высшего идеала.

Но мы не должны обращать бедняка в фетиш только потому, что он беден, не должны мы и поощрять в нем веру в то, что он есть высшее существо и, благодаря занимаемому им положению, которое, конечно, не является результатом его заслуг или желания, он приобрел право причинять вред другим, за то, что кто то наносил ему.

Тирания мозолистых рук фактически является тиранией, не значительного числа тех, которые, если даже и имели когда либо мозо-

листья руки, не имеют их больше, — не будет менее жестоким, менее плодотворным, постоянным злом, чем тирания рук в перчатках. Возможно менее утонченной и более бесчеловечной — больше ничего.

Бедность не была бы так ужасна, как она есть, если бы кроме материальных зол и физического вырождения, которые она поражает, она не передавала бы, из поколения в поколение, также и моральную развращенность. И бедняки имеют пороки не лучше, чем те из привилегированного класса, которые завладели богатством и властью. Если буржуазия производит своих Гиолитти, своих Граззиани и длинный ряд мучителей человечества, от великих поработителей до ничтожных их прислужников, жадных и эксплуатирующих, — она также произвела Кафиеро, Реклю, Кропоткина и много других, которые во все эпохи жертвовали своими классовыми привилегиями во имя идеала.

Если же пролетариат произвел, и еще производит, так много героев и так много мучеников за идею воскресения человечества, он также производит белую гвардию, палачей и предателей своих братьев, без которых буржуазная тирания не могла бы просуществовать и одного дня.

Но может ли ненависть быть возвышена до принципа справедливости, до просвещенного чувства vindикации когда совершенно ясно, что зло есть везде и всюду и является оно по причинам, стоящим вне желания и ответствен-

ности индивидов.

Классовая борьба такова: (как вам угодно?). Если под классовой борьбой подразумевают, борьба эксплуатируемых против эксплуататоров, за уничтожение эксплоат., такая классовая борьба является средством морального и материального под'ема, а также главной революционной силой, на которую мы можем положиться в настоящее время. Только не ненависть, потому что из ненависти не может произойти любовь и справедливость. Из ненависти происходит месть, является желание притеснять врага и потребность укрепить за собой власть. С ненавистью, при победе одной стороны, может быть установлено новое правительство но не может осуществиться анархия. Ненависть легко понятна во многих несчастных которых общество мучит и преследует физически и нравственно, но как только ад, в котором они живут, озарится идеалом, ненависть исчезает, и остается только жажда борьбы за благополучие своего класса. Поэтому, между нами нет настоящих ненавистников, а только есть некоторые краснобаи о ненависти. Им нравится поэт, который, хотя он хороший и добрый отец, поет о ненависти и мести, потому что в них он находит путь к созданию хороших и плохих стихов. Они говорят о ненависти, но их ненависть вытекает из любви. Вот почему я их люблю, хотя они и плохо обо мне говорят.

Э. Малатеста.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ МЕНЬШИНСТВО.

Приглядываясь к историческому ходу прогресса, мы неизбежно приходим к выводу, что всякая новая мысль, новая идея зарождалась не в умах многих сразу, а в уме сначала одного индивидуума (бывали случаи, что в разных частях света, или одной стране даже, не-

зависимо друг от друга, отдельные индивиды приходили к одним и тем же выводам или идеям), который сначала распространял ее в среде окружающих его, а затем, при помощи и содействии согласных с ним, распространял свои идеи в более широком, национальном

или интернациональном масштабе.

Реакционные инстинкты глубоко внедрены в человеческой природе, она не может порвать резко с привычным старым, и потому, новым идеям, зародившимся и развившимся в умах небольшого количества людей, приходилось вести ожесточенную борьбу за свое право на жизнь—на воплощение в жизнь. Настойчиво и твердо боролось за свои идеи прогрессивное и революционное меньшинство: ни костры инквизиции, ни пытки палачей, ни виселицы, ни тюрьмы—ничто не могло остановить их поступательного хода, ибо они несли с собой необходимый живительный кислород задыхающемуся в гнили застарелых форм и традиций обществу, их идеи были потребностью самой жизни, ее необходимостью.

М. Корн приводит слова Карла Маркса, в его предисловии к "Критике Политической Экономии": "Человечество ставит себе только разрешимые задачи"...—и, оставаясь несогласным с ним в целом, нельзя отрицать, что на сей раз он прав: сама жизнь ставит нам известные задачи и наши идеи являются лишь требованием жизни, а потому они всегда разрешимы.

Но идеи меняются, как меняется сама жизнь; и находящиеся в рядах революционного меньшинства являются лишь "толкачами" прогресса, как выразился не помню, кто из товарищей. Мы, Анархисты, ясно видим всю неоценимую услугу человечеству со стороны "толкачей", т. е. революционно-прогрессивного меньшинства, и потому мы отрицаем и общественное, и партийное строение, к которому проведение в жизнь инициативы меньшинства препятствуется кикими-либо внешними условиями: учреждениями власти, права, постановлений и т. п. Мы всегда и всюду говорим о том, что меньшинство не должно быть насилуемо большинством (и наоборот, конечно), что только такое общ., такие партии (строение партии есть отражение желательного будущего, а потому, борясь за свободную федерацию индивидов и групп в будущем, мы проводим

этот же принцип в нашей партийной организации.), которые предоставят полную возможность каждому члену их свободно проявлять себя и свои идеи, соответствуют требованиям жизненности. Поэтому, мы против выборов демократических стран, в которых воля большинства силой подчиняет несогласное меньшинство; мы против обществ и партий, в которых, благодаря централистической системе, большинство доминирует над меньшинством, и последнее не имеет права не только проводить, но и придерживаться своих взглядов, после голосования.

Мы, анархисты, в своих организациях избегаем голосования, стараясь обсуждать вопрос до полного выяснения, ища возможности соглашения. Голосование в нашей среде является прелюдией к расколу: когда все аргументы исчерпаны и нет возможности обоюдных компромиссов,—происходит деление.

Застой мысли в среде, так называемых социалистов; то, что в течение 70-ти лет со времени Маркса, они не внесли ни одной живой струи в обветшалое учение и с гордостью заявляют, что они (и большевики, и меньшевики, и социалисты, и "коммунисты"—каждый на свой лад), и только они, следуют букве учения Карла Маркса и являются истинными марксистами—все это объясняется подчинением действий и мыслей партийному контролю, контролю большинства.

Анархизм, как теория, возродившаяся из протеста революционного меньшинства против насилия и эксплуатации, (Штирнера—Государства и централизации, Прудона—неравенства в собственности, Бакунина—Генерального Совета Маркса в первом Интернационале, как центрального учреждения, Кропоткина—нищеты и страданий угнетенных и эксплуатируемых), благодаря большей свободе инициативы личной и групповой в своей организации, вечно находится в процессе "переоценки ценностей", как говорит Ницше; иными словами говоря: цель анархизма все расширяется, а тактические приемы меняются в зависимости от окру-

жающих обстоятельств. Прудон блестяще доказал происхождение и несправедливость частной собственности, но едва ли можно назвать практической его идею претворения всех в собственников посредством взаимного безвозмездного кредита; Штирнер неподражаемо указал, что основой общества является личность, и потому личность и ее благо должно стоять на первом плане: благо общества (отвлеченности) есть совокупность благ личностей (реальностей), но не дал практических указаний достижения этого блага. Бакунин дал нам живое воплощение бунтарского духа и психологию революции, глубокое отрицание религии и анархический федерализм, но его коллективизм, хотя и значительно смягченный его широким кругозором, — неприемлем нам, коммунистам. Анархический коммунизм Кропоткина, и неопровержимые научные доказательства его возможности и необходимости, являются драгоценнейшим вкладом в анархическое движение, но его оптимизм и беспредельная вера в народ, в творчество масс — кажутся нам преувеличенными. Мы не признаем авторитетов — непогрешимых и всеобъемлющих: мы берем от наших пионеров Анархизма, все лучшее, подходящее к настоящему и сами стараемся дополнить его своим творчеством: индивидуально и коллективно. Мы являемся вечно бродящим, вечно создающим, вечно толкающим революционную мысль к высшим идеалам и потому не ставим себе никаких ограничений в будущем, никаких программ в настоящем (программ, за рамки которых вы не можете переступить), зная, что будучи идейно спаянными и имея одну общую цель, мы, естественно, будем стремиться к ней наилучшими средствами в данных условиях группы, места, или страны.

Окружающая среда побуждает человека действовать в зависимости от ее согласованности с его физическими и духовными потребностями: удовлетворяет она его запросы — он доволен и

живет более или менее спокойно; не удовлетворяет — он будет изыскивать пути и средства к изменению, или же созданию такой среды, которая бы его удовлетворяла. Человек, сидящий или лежащий в неудобном положении, будет стараться, определив неудобства, устранить их или же изменить положение — точно также и индивид в обществе, неудовлетворенный условиями жизни общества, стремится изменить его, или же создать новое общество взамен старого.

Громадное большинство человечества, находясь в очень плохих условиях, страдают физически и нравственно от уродливого строя общества. В обществе настоящего (капиталистическом и "коммунистическом") есть много причин для создания недовольства, но недовольство это бывает большею частью бессознательным, т. е. не сознающим ясно источников зла, как у человека во сне, и как таковое бессильно что-либо сделать для устранения или уничтожения причин недовольства.

На сцену здесь, опять таки, является революционное меньшинство с своей легкой артиллерией — агитацией, посредством которой старается указать действительные причины недовольства, действительных врагов народа и, таким образом, направить народное недовольство в известное русло и усилить его интенсивность. Агитация влияет на чувства, выясняя и обостряя ощущения, вызывая нестерпимую боль от зол нынешнего строя и самые сокровенные желания лучшего, делая их побудительной целью. С агитированный человек мучительно жаждет ответа на пробужденные в нем запросы, и тут снова предоставляется широкое поле деятельности революционному меньшинству: ознакомление заинтересованных с своей целью и методами ее осуществления — одним словом, более детальная пропаганда своих идей. Пропаганда самая разнообразная: словом, печатью и делом: все направлено к тому, чтобы пробудить дремлющий разум к живой, творческой и плодотворной работе. Громятся все привитые и угнездившиеся предразсудки: религиозные, политические и экономические, показывается все

безразсудство и вред теперешнего порядка и дается для обсуждения и восприятия проекта своей идеи будущего. Брошюры и книги, обычно издаваемые революционным меньшинством, знакомят заинтересованных идей меньшинства с мыслями многих предшественников и современников, которые подтверждают и развивают идею меньшинства, рассматривая ее с научной, философской и просто — разумной точки зрения.

Силы реакции, воплощенные в правительстве и его бесчисленных органах отправления, постоянно являются камнем преткновения на пути, мешая пропаганде новых здоровых идей. Они агрессивно вмешиваются, накладывая свое "вето" и подавляя всякие попытки продолжить свою работу, уничтожая самый состав его, или же устранив его от жизни, посредством разстрелов, арестов и тюремных заключений.. Это вызывает протест со стороны революционного меньшинства: начинается эпоха пропаганды действием — террор политический и террор экономический, последний направленный против собственников и собственности которые стоят за спиной правительств. Лица и учреждения, более явно и активно выступающие противниками грядущего нового, убиваются, уничтожаются и разрушаются. Начинается эпоха террора: со стороны малосознательного недовольного элемента — акты возмездия-мщения ближе всего и больше всего ощущаемая представителям гнета и уничтожение или же захват средств насилия и эксплуатации; а со стороны сознательного идейного революционного меньшинства — террор — пропаганда, акты которого не являются сладострастием мщения, но необходимостью уничтожения зла, обнажения его перед глазами угнетенных и провозглашения своих принципов, своих идей своим примером, из побуждений чистых и безкорыстных, они воодушевляют, побуждают и увлекают массы на борьбу за светлое будущее.

Мало помалу, усилия меньшинства начинают приносить долго-жданные результаты.

Там и сям, начинаются забастовки, которые принимают все более ожесточенный характер, которые увеличиваются в размере и приводят забастовщиков к открытым столкновениям с правительственными силами: полицией и солдатами, наглядно показывая, кто враги и друзья народа. вспыхивают возстания в городах и деревнях, против правительства и имущих: фабрикантов и землевладельцев, банкиров и ростовщиков. Все ширится они растут в размере и непримиримости... Происходит умственная революция — начинается революция физическая. Взаимно подталкивая одна другую, как горная лавина, внезапно обрушиваются они на уклонившееся от естественного развития общество, общество кнута и золота. Пришла Социальная Революция!

Революционное меньшинство не в силах предугадать момента наступления стихийного конечного взрыва, но всегда находясь в самом разгаре предварительной борьбы, оно является, и должно быть, всегда готовым. Революционное меньшинство сознательно рассеивается и растворяется в народе и вместе с ним, подкрепляя его советом и увлекая личным примером, идет творить великую экспроприацию всех богатств для пользования всех, во имя справедливости и необходимости. Армия и полиция — слепое орудие в руках привилегированного класса, пробует всюду защитить "неприкосновенность" собственности; но гневное возбужденное море народного горя, народной нужды и страданий, — разбивает в щепы этот бронированный корабль правительства, и лишь отдельные части его выкидываются на берег и идут на строение будущего. Революционное меньшинство, заранее приготовив массы к неизбежному вооруженному столкновению, повсеместно побуждает народ перейти от сопротивления к решительной атаке противных сил. Разбросанные по всей стране, децентрализованные, с пошатнувшейся дисциплиной — отряды армии действуя нерешительно, не имея по-

стоянного правильного сообщения с другими частями; Предварительная пропаганда и столкновение с своими братьями рабочими, породили сомнение в рядах солдат в правоте своих поступков, и они единично дезертируют; или же открыто, целыми отрядами, переходят на сторону народа. Полиция, атакуемая со всех сторон и непривыкшая к сопротивлению своей палке, прячется от народного гнева или же тоже присоединяется к революционерам. Революционное меньшинство, помогает народу везде и всюду наладить справедливое распределение экспропрированного: пищи, одежды, квартир и т. п. первых потребностей, между нуждающимися, устраивая комитеты распределения в каждом участке, каждом квартале. Борьба, жестокая, беспощадная борьба все еще продолжается; созданные веками богатства страны разрушаются, необходимые жизненные припасы быстро поглощаются. Впереди—опасность голода и лишений... Задачей революционного меньшинства, где бы оно ни было, является немедленное налаживание производства, налаживание полуразрушенного транспорта: они убеждают рабочих и крестьян, за исключением небольших вооруженных отрядов, которые и скоро наносят последние “остатки” реакции, возвратиться назад в города и села к своей обычной работе, сохраняя свое оружие, как гарантию победы. вооруженные повстанческие отряды с легкостью перебрасываются с места на место, кооперируя и помогая друг другу в борьбе с реакцией. Народ ликует и празднует победу, а революционное меньшинство провозглашает принципы и лозунги свободы, которые бродят уже в умах большинства, и потому воспринимаются им легко и свободно. Нужно глубоко внедрить идеи свободы, идеи равенства и любви в открытые революцией умы и сердца масс. Нужно поддерживать горящий огонь солидарности интересов всех трудящихся и предотвратить восстановление каких-либо учреждений прошлого над обществом; нужно широко развить идею группировки и взаимоотношений на доброволь-

ном договоре, нужно самим проводить ее в жизнь. Как в городах, так и в деревнях, нужно немедленно организовать общественное производство, всюду демонстрируя огромную выгоду и преимущества группового производства перед индивидуальным,—демонстрируя коммунизм.

Распределительные комитеты деятельно помогают потребителям в складах и магазинах общества, выдавая по простому заявлению все, чего есть достаточно, и справедливо деля то, чего не хватает полностью для всех. Все банки превращены в жилые помещения или публичные места; золото находящееся там, если не употреблено в производство, спокойно лежит в складах и хранилищах: ни золото, ни серебро, ни какие-либо денежные знаки не имеют покупной ценности и не циркулируют, ничто из общественного не продается, а частная продажа должна вскоре замереть, ввиду ее безцельности (имея возможность брать все даром—без денег, человеку не нужно будет ни продавать, ни покупать). Наступил конец торгашеству и сребренникам, за которые продавалась честь, любовь и самая жизнь.

Комитеты производителей на местах определяют нужды каждой группы или коммуны, определяют ее возможную работоспособность, отделивают излишек и направляют его в ближайшие нуждающиеся коммуны, заявляя о своих недостатках, производительные группы (будущее общество будет обществом одного великого самоудовлетворяющегося класса трудящихся) входят в соглашения между собой по поводу обмена излишками, и на их экономической взаимозависимости возникает их тесная связь. Они заключают договор между собой и для защиты от все еще имеющего силы покушаться на их свободу капиталистического мира, координируя свои действия и выставляя общий объединенный всенародный фронт против врага, что будет не трудно при всеобщем вооружении. Самым же могучим орудием их в борьбе со старым миром, который еще будет некоторое время окружать их, кроме активного

сопротивления их агрессивному давлению, будет пропаганда всеми возможными средствами: печатным, живым словом и наглядным примером превосходства для трудящихся—для всего человечества, безвластного коммунистического строя.

Вся работа пропаганды вне и внутри страны, опять таки, падет на плечи революционного меньшинства, ряды которого погустели и укрепились притоком свежих, пробужденных и порожденных революцией сил. Не уступая тяготению к старому ни одной ноты из основных своих принципов, оно медленно, но уверенно раздувает пламя Социальной Революции и с чувством громадного нравственного удовлетворения наблюдает появления на свет новорожденного Мира Свободы, Счастья и Довольства всего человечества.

Но этим не заканчивается роль революционного меньшинства; ему предстоят новые гигантские задачи. Человечество, освободившись от стеснительного общественного строя, жадно простирает свои взоры и руки к наслаждению благами жизни. В ногу с удовлетворением имеющихся потребностей, будут расти и развиваться все новые и новые потребности. Всесторонне и безгранично развивая свою личность, дабы как можно более черпать наслаждений от жизни, человек столкнется с силами природы, которая старательно прячет свои тайны от его пытливого взора. Начинается кипучая

борьба с природой, старание открыть ее тайны и подчинить ее силы на служение себе дабы увеличить свои богатства, сократить расходование энергии на удовлетворение своих нужд до минимума, и приобрести досуг на преследование любимых занятий. Все будет открыто всем и каждому. Все будут иметь равное право на блага жизни, но не все будут равны: вечно будут более развитые, более одаренные природой, которые и будут своим зовущим и убеждающим примером толкать и двигать общество вперед. Общество имеет тяготение к застыиванию, к оформлению, и потому, в нем всегда было и будет революционное меньшинство, ролью которого является разрушение затвердевших, мешающих развитию общества форм, и созидание более свободных новых. Создавая новые условия, человек соответственно меняется и сам. И кто может сказать конечное слово о существе и формах человека, или его ассоциаций, в будущем? Революционное меньшинство обладает лишь большей чувствительностью и скорее сознает необходимость новых условий и зовет за собой остальное человечество. И потому: во имя прогресса, во имя человечества—мы требуем свободы меньшинства, мы боремся за него, мы—революционное меньшинство сами. Для нас нет поражений, по гибая—мы побеждаем.

Вид.

ЗАЯВЛЕНИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

1) Несколько дней тому назад вышел первый номер Анархо-Коммунистического органа на украинском языке, "Вильна Громада". В передовице товарищи ясно излагают их бескорыстную цель поработать в украинской среде, пропагандируя идеи анархического коммунизма. Несмотря на небольшой размер (16 стр.) заботливость дать читателям самые основные начала Анархизма. Товарищи обращаются к разуму рабочего, желая пробудить и укрепить

его сознание, а также и к чувствам, вызывая справедливое чувство негодования против угнетений и эксплуатации трудящихся группой паразитов. Мы горячо приветствуем своего собрата по делу, "Вильну Громаду", и желаем ему успеха везде и всюду, особенно же в украинской среде, в которой редко раздавался мощный призыв Анархии к Свободе и Довольству.

БЕЗРАБОТНЫЙ.

Я песню петь любви хотел —
Проклятья были мне привет;
С призывом мощным я явился —
Бессильный стон раба в ответ...
И песня с стонами слились;
Познал я рабства стыд и боль,
Отчаянье, безверье, страх —
Меня лишили к жизни воли.
По селам, городам, полям —
Среди толпы один бреду:
Гонимый там, побитый здесь —
Не ждал уж рая я — в аду.
Пороги зданий, пустыри
Я занял в сотнях сотен лиц;
Ютимся ночь, день бродим мы:
Для нас не хватит их темниц!
Все лица хмуры и больны,

На них отчаянья печать;
Лохмотья грязны. — Больно так
Лик человека утерять.
Стыд жгучий, ненависть порой —
Палит, бурлит в груди моей:
Я — человек! Я жить хочу!
Работы! Хлеба мне, скорей!
В добро богов не верю я,
Презренна милость богачей;
Я сам создам, что надо мне —
Долой с дороги! Прочь с очей!
Нас много, рать большая нас,
Мы есть хотим, хотим труда.
Нам справедливость говорит:
Возьмите всем все навсегда!

.....
ВИД.

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ.

ОТНОСИТЕЛЬНО МОЕГО ДЕЛА.

Э. Малатеста,

Во время Крисин, когда итальянские патриоты и французские патриоты делали все возможное, чтобы возбудить ненависть одних против других, ночью, проходя по мосту святого Михаила в Париже, я столкнулся с грозившей опасностью, в виде человека, сильно нагруженного, спиртом, который, признав меня за итальянца, завопил: “Да здравствует Франция!”

Спокойно я ответил ему: “Да, мой друг, да здравствует Франция и также Италия, и

пусть здравствуют все нации мира или скорее, все честные люди в мире.” Видя, что он смутился, я спросил: действительно ли он так счастлив, так доволен своей долей, чтобы восхвалять без удержу всю сложность людей и учреждений, которые втиснулись в имя, Франция.

Этот индивидуум был бедным рабочим, который, как он сказал мне позднее, пил для того, чтобы забыть невзгоды и тяжести, и поэтому нам было очень легко понимать друг

друга. Он согласился со мной, что когда он закричал: "Да здравствует Франция." — Он сделал это без всякого разрешения, будучи под влиянием газет, речей и военной музыки; но будучи приглашенным подумать, прекрасно понимал, что Франция, которую бы можно было любить, должна быть Францией рабочих, мыслителей и артистов, а не политиканов и кровопийц, которые заслуживают побития и уничтожения; и что самой лучшей любовью к французам будет желание иметь их не врагами, но братьями рабочих всего мира.

Если бы кто-либо встретил меня завтра и захотел чтобы я кричал: "Да, здравствует Италия!" — я бы ответил ему: "Да здравствует Италия, но также да здравствуют и все остальные страны в мире, которые верят в свободу." И если он не будет зверем вполне, и будет способен слушать и понимать, мы скоро сделаемся друзьями, а возможно и товарищами. Я вспоминаю об этом Парижском инциденте всякий раз, когда я слышу музыку, играющие патриотические гимны, когда я вижу националистические манифестации; я вспоминал его в эти дни, видя многие газеты, выражающими удивление по поводу моего заявления суду, что я люблю Италию, и представляющими это заявление, как непоследовательность или гипокритство.

Естественно, я не пишу для тех людей, которые, хотя и заявляют себя патриотами, на самом деле предают страну во многих случаях, когда им представляется сделать это за деньги, ибо они готовы продать свою страну за тридцать центов, или же тридцать стран за один цент. Я не пишу для тех, кто на опасности и несчастьи страны производили их спекуляции; ни для тех, которые наживаются на патриотизме. Но я знаю, что громадное большинство тех, которые сражались во время этой последней войны за "отечество," за "Италию" — являются идеалистической молодежью, место которых должно быть на нашей стороне, в то время, как они являются нашими врагами, потому что они не знают нас и думают, что мы

хуже наших противников, которые, во вред всем людям заинтересованы держать их прочь от нас из боязни, что мы можем соблазнить их видением более широких и благородных идеалов, и стараются размалевывать нас всеми самыми худшими имеющимися красками. И потому, я буду настаивать на этом вопросе антипатриотизма, из которого они почерпают выгоды, и посредством которого творят безобразия и преступления, прячась под флагом отечества.

Я сказал в Милане, говоря о гражданской войне, которая раздирает и бесчестит Италию и о которой я буду говорить в своей следующей статье: "Я не говорю ради своих собственных интересов или интересов моих товарищей, потому что мы не являемся людьми, которые очень опасаются быть в тюрьме, но ради цивилизации, из любви к этой Италии, которой, многие говорят и вероятно думают, что мы являемся врагами, — только потому, что мы бы хотели иметь ее братом и сестрой остальных стран, и потому, что мы любим все другие народы, которые населяют человеческий мир так же, как мы любим нашу Италию: Интернационалистическую, космополитическую, мыслящую, как ее понимали и признавали почти все мыслители, герои, мученики итальянского Возрождения, многие из которых были рассеяны по всему миру, проливая кровь на всех полях сражения, где подымалось знамя свободы.

"Патриоты" были удивлены. Я не могу высказать до какой степени странен этот патриотизм, этот итальянский национализм, который забывает и отрицает один из чистейших взглядов на Италию, который был показан ходом ее истории, ее деятелями, ее мыслителями и ее художниками, как самую космополитическую страну в мире.

Но, разве не абсурдно думать, что те, которые любят все страны, которые имеют за идеал их собственной страны целый мир и стремятся сделать его отечеством всех людей, братски объединившихся в работе для общего блага, — должны делать исключение как раз для

страны, где они родились, и с жителями которой они имеют более сродства и соприкосновений?

Может быть, что, когда Италия не была еще соединена в одно политическое тело, стремиться к единству Италии и борьба за него и признание изменой каждую войну между итальянцами—означало для Миланизов быть врагами Ломбардцев? Владетельная Австрия могла бы поддерживать это в интересах своих собственных владений, но Австрия тогда была точно такой же, как она есть и в настоящее время, и каковым является Итальянский режим.

Теперь же, когда Италия объединена под одним правительством, разве человек из Пидмонта станет врагом человеку из Турина, если он заявит, что вся Италия есть его отечество, и который будет считать себя гражданином с полным правом во всех портах Италии, где бы он ни случился, и будет пользоваться всеми правами на всякое предприятие, частью которого ему захочется быть?

Что касается нас то нашим отечеством является весь мир; что касается нас, то вся слава человечества принадлежит нам, также как и все цепи человечества. Италия является частью мира и за ее освобождение мы деятельно работаем не потому, что она имеет больше прав на это, чем другие страны, а потому, что мы думаем, что наши действия могут быть более действительны здесь, и еще потому, что здесь мы имеем большее число

людей родных, друзей, товарищей, которых мы более сильно любим.

Но все это — так ясно так элементарно, так банально и так часто повторялось, что очень трудно повторять все это опять. Итальянские “патриоты” хотели бы, чтобы мы их оставили в покое изнурять итальянских рабочих. Пожрать и переваривать в покое “их дражайшее отечество” и чтобы мы отправились проповедывать наш интернационализм и наш анархизм далеко, далеко, прочь в Папуазию или..... на Северный полюс. Тогда они, возможно, будут думать, что мы также хорошие патриоты.

Радикалы отказываются кричать: “Да здравствует Италия!”, а если могут, то кричат. “Долой Италию!”, но это лишь, как протест против обмана и потому что мы понимаем под “Италией,” когда мы демонстрируем на площадях, — официальную Италию, Италию жандармерии и ростовщиков.

Может быть это было нашей ошибкой — позволять консерваторам и законным припямкам буржуазии монополизировать в известной степени клич: “Да здравствует Италия!” и таким образом уснуть заставить поверить вымыслу, что мы желаем разорения страны, в которой мы обитаем.

“Да здравствует Италия! — да, тысячу раз, да; и да здравствует все другие страны мира!”

И это понятно, — те политические общества, которые мы желаем от имени трудящихся.

ОТКРОЙ ГЛАЗА, ТОВАРИЩ!

Мой друг, мой измученный, придавленный и страдающий друг, рабочий! Открой глаза свои, посмотри вокруг себя и задумайся над тем, что представится твоему взору.

Ты голоден и холоден, ты омбанут сильными мира сего; твой взор отуманен ложью,

но все-таки ты многое увидишь, когда внимательно взглянешь на окружающее тебя: — вот раскиданы большие города с их широкими и многолюдными улицами и многоэтажными домами с электрическим и газовым освещением, построенные тобою для того, чтобы сво-

бодно жить в них, но ты живешь в маленькой полуосвещенной и холодной конуре, по 8—12 душ в каждой, в то время, как в твоих роскошных домах живут себе припеваючи бездельники—богачи, (а во многих совершенно никто не живет, даже и мухам воспрещается), занимая множество чистых больших комнат на одну семью; вот стоят без дела громадные полузакрытые фабрики и заводы, изготавливавшие когда-то всевозможные продукты одежды, обуви и т. д., к которым ты на всю жизнь прикован, — работал в них тогда, когда это выгодно было твоему хозяину, а когда нет, — он выбрасывает тебя на улицу, как серую скотину, без всяких средств на грядущий день, где тебя ожидает горькая участь; вот разбросаны громадные плодородные поля, сады и огороды, где выращивается предостаточное количество хлеба и овощей, которых собирают землеробы (такие рабы, как и ты), ссыпают и складывают в амбары, где, в ожидании повышения цен, гниют, потому что твоему хозяину-капиталисту не выгодно теперь продать по низкой цене, — а ты ходишь с пустым желудком, играющим однообразный марш и, проклиная свою судьбу, думаешь вечно одно: “так Бог дал: мне вечно трудиться и ничего не иметь, а ему, богачу, — жить да наслаждаться и как сыр в масле купаться”.

Мой брат, рабочий, увидишь ты много, много себе подобных, услышишь их тяжкие стоны и душу раздирающие крики: “хлеба, хлеба”, с одной стороны и безумную роскошь и пресыщение — с другой!

Если у тебя хватит терпения и ты будешь продолжать присматриваться, то ты, бесспорно, увидишь массу людей в грязных лохмотьях, под которыми ност болью измученное тело, и увидишь их крошечный ад, в котором они, от поры до времени, добывают себе насущный кусок хлеба. А на ряду с этим печальным зрелищем ты увидишь горсточку сытых паразитов: — живут в роскошных домах, питаются свежей ею не производимой пищей, одеваются в шолк, бархат и бриллианты.

Эти двуногие паразиты — цвет современного общества — ничего сами не делают, не

производят, даже палец о палец не ударят, — потому что ты изнываешь под тяжестью труда; они купаются в довольстве лишь потому, что ты терпишь нужду, голод, холод и разные бедствия; они имеют все сладости жизни потому, что ты вечно трудишься и твоими плодами распоряжается хозяин, который, пользуясь твоим невежеством, бесстыдно и бесчестно обирает тебя. Все это и многое другое представится твоему взору, посмотри только здраво, мой друг рабочий, и спроси себя: “неужели так надо?” И тогда, неужели же ты равнодушно отнесешься ко всему этому? Неужели же твое человеческое сердце не будет страдать при виде этой вопиющей несправедливости? Неужели же ты не начинаешь мечтать, как и мы, о той будущей прекрасной, веселой и свободной жизни — жизни, где не должно быть сытых и голодных, сильных и слабых, богатых и бедных, а где должны быть все равны — **все трудиться**. Кроме того, неужели же тебе не стыдно станет — такому сильному, такому могучему находиться покорным под каблучком ничтожной горсточки “людей”, которые, без стыда и совести, как вычным животным, распоряжаются тобою, сосут, как пьявки, невинную твою кровь, и ты все терпишь да гнешь свою сгорбленную спину.

Посмотри, друг рабочий, задумайся над тем, что увидишь несправедливым, и когда твое сердце сожмется от боли, когда оно наполнится злобой по отношению к виновникам виденного тобою зла, — организуйся с себе подобными, набирайся смелости, бодрости, мужества и берись за переустройства мира сего на новых братских началах!

Пора, мой друг, разогнуть тебе свою сгорбленную спину, испробовать свою богатырскую силу и сильным взмахом стряхнуть с плеч своих вековое рабство-капитала и власти с их уймою законов, мешающих тебе жить свободно.

И до тех пор, друг рабочий, ты будешь страдать и влачить свое жалкое существование, пока ты не поймешь той простой истины, что ты — человек, создан не для того,

чтобы вечно трудиться и ничего не иметь. — Нет!! Ты создан для того, чтобы жить независимо, свободно и наслаждаться всеми благами природы.

Итак, друг рабочий, прозрей и пойми ты

одно: "никто не даст тебе избавления, ни бог, ни царь и ни герой — а должен ты освободиться своей собственной рукой".

Д—о.

— 0 —

ВОЗРАЖЕНИЕ АНАРХИЗМУ.

Номер 21-й.

(Окончание)

Общество есть организм, а организм контролируется его центром; таким образом, человек контролируется его мозгом, а общество — его правительством.

Это один из доводов часто употребляемый, так называемыми, научными социалистами. Вполне справедливо, что общество, как целое, если и не является организмом, то, во всяком случае, может быть очень близко уподоблено таковому. Но самым интересным является то, что наши научные возражатели совершенно забыли один из важнейших фактов относительно классификации организмов. Все организмы могут быть поделены на два класса — "морфонта" и "бионта". Теперь, каждый организм "морфонта" связан вместе в одно целое по необходимости его строения организм "бионта", напротив, является более или менее простым строением, связанный вместе физиологически, т. е. скорее посредством функций, нежели его действительной формой. Это может быть представлено еще проще. Собака, например, которую мы все знаем как организм, является "морфонта", ибо она связана вместе необходимо ее строением; если мы разрубим собаку на двое, мы не думаем, что обе половинки будут жить, или же превратятся в две цельных собаки. Но если мы возьмем растение и разрежем его на двое, то

возможно, что если мы поместим их в нужные условия, каждая половинка этого растения разовьется в такой же здоровый организм, как и оригинальная единица. Теперь, если мы назовем общество организмом, то вполне ясно к которому из этих двух классов оно принадлежит, ибо, если мы разделим общество на двое и заберем одну половину людей, которые составляли его, и поместим их в подходящие условия, то они образуют новое общество, родственное тому старому, от которого они были отделены.

Действительно интересным в этом есть то, что "морфонта" — собака — во всех отношениях является организмом, который контролируется мозгом; но, с другой стороны, "бионта" ни в каком случае не может быть централизованным организмом. Итак, насколько уподобление может быть хорошим, оно, очевидно, целиком говорит в пользу анархического понимания общества, а не централистического государства.

Есть также и другой путь рассмотрения этого. В каждом организме простая клетка является единицей, как в организме общества индивидум является единицей. И если мы возьмем за изучение эволюции организмов (которой мы коснулись в вопросе, Номер 18-й), то мы найдем, что простая клетка группируется или кооперирует с ее подругами-клетками

не потому, что ей приказывают или ее направляют в это положение, а потому, что она нашла, в ее простой борьбе за существование, что она может жить только, если все целое, часть которого она составляет, будет жить также. Этот принцип применим во всей органической природе. Клетки, которые скучиваются вместе, для образования органов человека, не принуждаются к этому и не контролируются какой-либо внешней силой; индивидуальная борьба за жизнь заставляет каждую занять место в организме, часть которого она составляет. Затем, сами органы не централизованы, а просто взаимно-зависимы: расстройте один, и вы, более или менее, нарушите органы всего, но ни один не может диктовать, как другой должен работать. Если пищеварительные органы в беспорядке, то, вполне вероятно, они могут повлиять на мозг; но далее этого они не имеют ни контроля, ни авторитета над ним. Обратное этому — также верно. Мозг может знать прекрасно, что пищеварительные органы, по той или иной причине, небрежны к их обязанностям, но он не в состоянии контролировать их, или наказывать им делать иначе. Каждый орган делает его обязанности, потому что, делая это, он выполняет его жизненную задачу, и каждая клетка занимает свое место и выполняет свои функции для той же цели.

Рассматриваемый таким образом, полный организм (человек) представляется результатом свободной кооперации различных органов (сердце, мозг, легкие и т. д.) в то время, как органы в свою очередь являются результатом равно свободной кооперации простых клеток. Таким образом, индивидуальная борьба за жизнь клетки приводит к высочайшему произведению органической природы. Это и есть та примитивная борьба индивидуальной клетки, которая есть, да и была, творческой силой позади всей сложности органической природы (включая человека) этой чудесной цивилизации.

Если мы применим это уподобление к обществу, мы должны воспринять, что идеальной формой будет такая, в которой свободные ин-

дивиды, в развитии их жизни, группируются в свободные учреждения, и в котором эти свободные учреждения, естественно, взаимно полагаются один на другой, но в котором не будет учреждения, заявляющего право на авторитет или власть каким бы то ни было образом контролировать или обуздывать развитие других учреждений или индивидуума.

Таким образом, общество от простого индивида вырастет в сложное целое, а не так, как видят наши централизаторы — развитие от сложного центра назад к простым частям.

Вы не можете изменить человеческой природы.

— 0 —

Номер 22-й.

Для начала позвольте мне указать, что я являюсь частью человеческой природы, и, посредством моего собственного развития, прибавляю и помогаю развитию и изменению человеческой природы.

Если возражение будет то, что я не могу изменить человеческой природы и вылить ее в любые формы по желанию, тогда, без сомнения, оно будет вполне справедливо. Но если, с другой стороны, имеется намерение возразить, что человеческая натура всегда остается одной и той же, тогда возражение будет беспомощно неосновательно. Изменение является одним из фундаментальных законов существования, особенно же в органической природе. Человек развился из низших животных, и кто может сказать, что он достиг границ его возможностей?

Однако, на самом деле, общественные реформаторы и революционеры не полагаются в такой степени на факт, что человеческая природа изменится как на ту теорию, что та же натура будет действовать различно при различных обстоятельствах.

Человек делается разбойником и преступником сегодня потому, что ему приходится красть для того, чтобы накормить свою семью.

В свободном обществе не будет таких поводов к воровству, и следовательно, этот самый преступник, урожденный в таком мире может сделаться уважаемым семейным человеком. Изменение к худшему? Возможно; но пункт тот, что **будет все-таки изменение**. Тот же характер действует различно при новых обстоятельствах.

Таким образом суммирует: 1) Человеческая натура изменяется по определенной линии, на направление которой мы можем влиять. 2) Основным фактом является то, что натура действует согласно условиям, в которых она находится.

Последняя часть следующего ответа (номер 23) точно также может быть приложима здесь.

— 0 —

Номер 23-ий.

Кто будет делать грязную работу при Анархизме?

Сегодня машины вводятся для того, чтобы заместить, где только возможно, высоко оплачиваемого человека. Это может делаться только частично, но очевидно что если машины существуют для сохранения стоимости производства, то они будут употребляться там, где стоимость значительна. В тех отделах, где труд очень дешев, там нет и побуждения заменить его машинами.

В настоящее время все так странно устроено, что только грязные и неприятные работы делаются людьми всего дешевле, и вследствие этого, там нет и большого успеха изобретать машины, чтобы занять их места. В свободном обществе, напротив, вполне ясно, что неприятные работы будут самыми первыми, которые машины будут призваны устранить. Поэтому, вполне добросовестно можно сказать, что неприятные работы в значительной мере исчезнут в Анархическом обществе.

Но, как бы то ни было, вопрос остается

ответственным только частично. Несколько времени тому назад, во время забастовки в Лидсе, чистильщики улиц и мусорщики отказались делать свою работу. Почтенные жители Лидса сознали опасность такого положения вещей, и организовались для исполнения грязной работы. Студенты университета подметали улицы и вытаскивали ящики с отбросами. Они ответили на вопрос лучше, чем я бы мог. Они научили нас, что свободные люди сознают необходимость деления такой работы и тем или иным путем организуются для исполнения ее.

Позвольте мне представить другой пример, более интересный, чем этот, и совсем различный от него, и, таким образом, показывающий, как вообще справедлив мой ответ.

В среде цивилизованного общества вероятно трудно будет найти два класса, более глубоко отличающихся, чем сегодняшний студент университета и рабочий Западной Ирландии около сотни лет назад. В Ралахине, в 1830-м году был начат самый успешный из многих кооперативных или коммунистических опытов, которыми был замечателен тот период. Там, на беднейшей болотистой почве, между "низшим разрядом ирландских бедняков, недовольных, необузданных и порочных, при самых худших воображаемых условиях," идеальная небольшая опытная коммуна была образована. Между соглашениями, в которые вошли эти "практические невозможности," было одно, которое говорило, что "ни от одного члена не требуется исполнения службы или работы кроме такой, которая согласна с его или ее чувствами," и все-таки вне всякого сомнения неприятная работа была выполняема ежедневно. Следующий разговор между пассажиром проезжающей кареты и членом общины, который работал по пояс в воде, был записан:—

"Что, вы работаете сами?" — спросил путешественник. "Да", — был ответ. "Где же ваш управляющий?" — "У нас нет управляющего." — Кто же ваш хозяин?" — "У нас нет хозяина. Мы живем по новой системе."

— "Тогда, кто же послал вас работать здесь?"
 — "Комитет," — ответил человек в канаве.
 — "Кто — этот, комитет?" спросил посетитель из кареты. — "Некоторые из членов." —
 "Какие члены, вы думаете?" — "Пахари и рабочие, которые поставлены нами в комитет. Я принадлежу к ново-системцам."

"Члены этой общины были выбраны голосованием из крестьян Ралахин. Никакого неравенства не было установлено между ними," — говорит Г. Л. Голиок (*History of Co-operation*), которому я обязан приведенным разговором. Он еще прибавляет: "Кажется невероятным, что такая простая и разумная форма правления могла заменить правление дубины и мушкета. Это был обычный способ, которым ирландские рабочие тех дней устраивали свои промысловые дела. Все таки, мир и достаток царили благодаря системе равенства."

Община существовала успешно в течение трех с половиной лет, и ее конец наступил благодаря целиком внешним причинам. Человек, который дал землю для целей опыта, проиграл все деньги, и колонии на 618-ти акрах пришлось лишиться земли. Этот пример введения новой системы среди таких малообещающих обстоятельств прекрасно может быть использован в ответ на возражение 22-ое. —
 "Вы не можете изменить человеческой натуры."

Номер 24-ый.

Но вы должны иметь правительство. Каждый оркестр имеет своего дирижера, которому все должны подчиняться. То же самое и с обществом.

На это возражение совсем не стоило бы отвечать, но оно очень настойчиво употребляется государственными социалистами против анархистов и даже напечатано в писаниях одного из их великих вождей. Возражение, главным образом, интересно тем, что оно утомительно просто показывает нам взгляд этих реформистов, которые очевидно хотят видеть общество, регулируемое во всех деталях палками правительства.

Это смешение между контролем палочки дирижера и палки правительства, в действительности означает, что они не замечают никакой разницы между правительством и свободой. Отношение подданного к правительству совсем не похоже на отношение музыканта к дирижеру. В свободном обществе музыкант будет объединяться с другими заинтересованными в музыке для одной только цели: он желает выразить самого себя, и находит, что лучше всего может это сделать при помощи других. Отсюда выходит, что он пользуется его братьями музыкантами, в то время, как те так же пользуются им. Затем, он и они видят, что им будет затруднительно, если они не будут иметь сигнальщика, дабы согласовать их различные ноты. Поэтому они решают использовать кого-либо, кто способен к этому. Он, точно также, стоит в таком же соотношении к ним: он пользуется ими для выражения себя в музыке. Если в любое время какая-либо сторона найдет другую ненужной, — она просто прекращает сотрудничать. Каждый член группы может, если чувствует склонность, подняться в любой момент и уйти. Управляющий (дирижер) может в любую минуту бросить его палочку, или же смешать других произвольно действуя неправильно. Каждый член группы может во всякое время испортить все их старания, если ему понравится. Нет никакого предупреждения подобных случаев, или же способа их предотвращения. Никто не может быть принуждаем давать на содержание предприятия, практически все возражения, которые поднимаются против анархизма, могут быть подняты против этой свободной организации. Что вы будете делать с барабанщиком, который не захочет барабанить? Что вы будете делать с человеком, который играет не в тон? Что вы сделаете с человеком, который разговаривает, вместо игры? Что вы сделаете с неряшливым (нечистым) человеком, который может сесть рядом с вами? Что вы будете делать с человеком, который не захочет платить своей чести? и т. д., и т. д.

Возражениям нет конца, если вы намерены основывать их на том, что может случиться, но это бессильно изменить факт, что если мы будем считаться с тем, что действительно случается, — мы найдем свободные организации такого рода целиком практичными.

Надеюсь, нет надобности указывать безрассудство тех, кто претендует, что такая организация подобна правительству.

В правительственной организации люди связаны вместе не общей целью, а законом,

с угрозой тюрьмы позади, за ним. Предприятие поддерживается не количеством интереса, который имеется к нему, но общим принуждением. Участие и роль каждого диктуется и может быть приневолены силой. В свободной организации они просто рекомендуются, и рекомендация следует только с согласия индивидуума, а потому, там не может быть принуждения.

Дж. Баррет.

Конец.

— 0 —

ЗАЯВЛЕНИЕ ОСУЖДЕН, НА СУДЕ.

(Выдержка из Альманаха Анархического движения в России.)

“Грабеж, по моему, это—если берут краденые вещи для себя. Мне 18 лет; я всегда занимался производительным трудом и очень мало получал за него. Я видел, как те, которые ничего не производят, живут в свое удовольствие насчет производителей; я убедился, что есть производители, ничего не получающие за свой труд, и есть люди, которые ничего не производят и получают много... Указать на это моим братьям, дать понять всему пролетариату эту громадную несправедливость, объяснить всем трудящимся, что они — дети вечных рабов, которые всегда производили и которых всегда грабили — такова была моя цель. В ней я не вижу ничего преступного, за что я должен был бы просить прощения. Из взятых денег я не тронул ни копейки: все ушло для святой цели.” Осип Левин, 16 лет: “Из всех денег, которые мы взяли от капиталистов для нашей святой анархии, я себе даже не позволил сделать пару брюк. Я умираю в старых штанах, данных мне моим братом — студентом, потому что я ходил оборванцем... Деньги у меня были святыми и я

их употреблял на святые цели. Я нахожу, что умираю не грешником, но борцом за все человечество, за угнетенных теперешним строем”.

Известный товарищ под фамилией Петров, 16 лет: “Я сирота, вырос без отца и матери. Мое лицо и мой вид покажут вам, в каких условиях я вырос; я всегда голодал и валялся где попало. Никто меня не пускал к себе переночевать, и я убедился, что у меня не только нет отца и матери, которые умерли, когда я был ребенком, но и мать—земля, на которой я вырос, была украдена у меня, так что голова моя не имела права приткнуться где-нибудь, а ноги не имели права касаться земли... Чтобы добиться, освобождения земли для всех людей, которые на ней живут я боролся всю свою жизнь. Я не грешник, я исполнил свой долг.” Все трое умерли с возгласом: “Да здравствует Хлеб и Воля!”

П. С. “Левин, Иоффе и Шафрон—совсем мальчишки... Расстреливавшие была крайне смущены, стреляли в сторону. Потребовалось несколько залпов. Казнь была продолжительная и мучительная. С одним из присутствовавших представителей власти произошел нервный припадок...”

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

— 0 —

2) ФРАНЦУЗСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И МОСКОВСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

М. Корн.

(Продолжение).

Французские синдикаты хотят остаться независимы.

Делегаты синдикалисты, которых послали на Московский Профессиональный Конгресс, получили от "Социал-революционных Комитетов" следующие инструкции:

1) Требовать от конгресса, чтобы ново-образовавшийся Интернационал Профессиональных Союзов был и остался в независимости от Коммунистического Интернационала;

2) Потребовать, чтобы Профессиональный Интернационал признал автономию и независимость рабочего движения каждой страны, в особенности, чтобы признать независимость французского синдикализма, который, по его устройству, является первой основой Социальной Революции во Франции:

3) Потребовать, чтобы из статуты было исключено взаимное представительство в исполнительных комитетах Коммунистического и Профессионального Интернационала:

4) Чтобы Конгресс не был решающим, а делегация не имела бы никакого права подписываться ни принципиально, ни практически, ни под какими решениями. Они только должны принять во внимание все заключения, а потом передать их ведению Центрального комитета, который передаст всем организациям поставленные вопросы, а потом созывает съезд, который и решит вопрос: принять или отвергнуть принятые Интернационалом Резолюции.

Характерен этот мандат!

Для русских особенно бросается в глаза невыдержанность со стороны синдикалистов потому что они (большевики), по уставу их учения должны стремиться сдвинуть рабочее движение под контроль партии — без этого диктатура партии не может быть. Но французы, в таком понимании социал-демократии, — наивны и невежественны.

Делегаты уехали... Никакие регулярные сношения с ними во время Конгресса, понятно, были невозможны, и резолюция, которая была принята на Конгрессе об отношении между рабочими организациями и коммунистической партией, в один прекрасный день свалилась французам на голову, как камень с неба. Эта резолюция, которая имеет важность для рабочих всего света, очень интересна и я напоминаю ее вкратце:

После призыва, который объясняет необходимость диктатуры пролетариата для успешной борьбы против буржуазии, резолюция гласит о необходимости "тесной организационной связи между различными формами революционного рабочего движения, и, прежде всего, между Коммунистическим Интерн. и Интернационалом Профессиональных Союзов, и что такая связь желательна во всех странах между синдикатами и коммунистической партией". Принимая все это во внимание, Конгресс заключил, что "самая теснейшая связь должна быть установлена с 3-им Коммунистическим Интернационалом, который стоит в авангарде революционного рабочего движения всего света, и базисом этого должно быть взаимное представительство в исполнительных комитетах этих двух организаций." Дальше: "Эта самая связь должна носить органический и техниче-

ский характер, она должна выразиться в общей организации и проведении революционных актов и в национальном и в интернациональном масштабе," и, наконец, "Конгресс заявляет, что необходимо объединить революционные синдикальные организации и восстановить теснейшую связь красных рабочих юнионов с коммунистической партией, как результат заключений двух конгрессов."

Эта самая декларация была подписана тремя французскими делегатами, или вернее двумя, ибо один из них, Росмер, живет теперь, как сотрудник Исполнительного Комитета 3-го Интернационала, постоянно в Москве, и представляет там Францию. Остальные подписавшиеся — Томази и Гадонж: Первый — сотрудник французской коммунистической партии и одновременно секретарь синдикального союза Сенского департамента (в этих синдикатах весь контроль находится у вождей оппозиции); а второй — революционный синдикалист, сотрудник в "Социал-революционных Комитетах и "VIE OUVRIER" (Рабочая Жизнь).

Синдикальная оппозиция заволновалась. На рабочей бирже удивлялись, спорили и выказывали явно недовольное настроение. "Правые" же радовались разочарованию "левых." "Левые" спешили выяснить и объявить свои настоящие взгляды.

Моментально было созвано собрание всех членов, бывших налицо там, "социаль-революционных комитетов," и, с подписью всех известных членов, организацией была принята резолюция. Хотя эта резолюция — изрядно длинна, но так как она является очень ценным документом, я считаю нужным поместить ее целиком, как настоящее мнение левого революционного крыла французского рабочего движения:

"Принимая во внимание резолюцию, принятую на Интернациональном Конгрессе Красных Союзов, и так как центральный комитет не имеет возможности сегодня вечером созвать общее собрание Социаль-революционных Комитетов, мы находим нужным заявить следую-

щее:

а) Нам удивляет, почему под резолюцией подписаны имена двух французских делегатов, которые таким образом переступили свои полномочия;

б) Мы считаем, что революционный синдикализм изменил бы всем своим революционным традициям автономии, если бы стал на точку зрения одной революции;

в) Мы сознаем вполне, что Интернационал Красных Профессиональных Союзов, который был бы основан на таком базисе, не в силах будет объединить все революционные синдикальные течения, и потому не в состоянии был бы осуществить свое назначение.

Мы не можем признать необходимости для французского синдикалистического движения тесной связи между синдикатами и коммунистической партией в национальном масштабе, и между Профессиональным Интернационалом и Коммунистическим — в интернациональном масштабе.

Такая органическая связь, проведенная сверху или снизу, без сомнения переменяла бы характер синдикатов и превратила бы их в группы с определенной политической тенденцией, вместо того, чтобы оставить их классовой организацией, открытой для всех рабочих. Было бы создано столько сильных движений, сколько имеется коммунистических или социалистических Интернационалов. Революционный Профессиональный Интернационал должен стоять независимо от политического Интернационала, все равно, как синдикат должен быть независим от какой-либо политической группы.

У себя дома, французский синдикализм не может признать никакой духовной связи с коммунистической партией. Верный своим Амиенским статутам*), он требует своей независимости, которая даст ему возможность созвать к себе всех рабочих, независимо от их убеждений.

(Окончан. следует)

О ТОМ, О СЕМ.

(Очерк из детройтской жизни).

— о —

Тускло и мрачно, на дворе дождь льет так неприветливо, неласково, что нет охоты даже выходить на улицу из своей тесной конуры, такой же неприветливой, сырой и скучной, как и сегодняшней октябрьский день. Сегодня наши “великодушные власти” депортируют 28 человек различных национальностей, в том числе несколько русских. .

Преступления их тоже различные: кто за переход американской границы без разрешения, кто за “крамолу”, а кто и со всем без вины (по справедливости они все невинны); но что же поделаешь, такова уж, как видно, американская “справедливость” — таковы принципы их дутой “демократии”.

Между депортированными — два русских рабочих, поплатившихся своею свободою за “крамольничество”. Один из них тов. Р — к случайно был арестован на квартире, где его тщательно обыскали и нашли у него книги “Хлеб и Воля” и другую литературу анархического содержания — вот и все его преступление.

Другой тов. М — р был арестован за распространение литературы И. Р. М. Этот тов. просидел шесть месяцев в детройтской тюрьме. Месяца два тому назад случайно был арестован наш тов. К., преступление которого тоже заключалось за распр. анархической литературы.

Тов. К., будучи в заточении, как-то неожиданно встретил М — ра совершенно изолированного, его никто не навещал и об аресте, как впоследствии выяснилось, никто не знал. Тов. К. передал на волю, чтобы о нем передали в отдел И. Р. М. и просил, чтобы кто-нибудь его навещал. Просьба была исполнена.

В отделе И. Р. М. стали наводить справки и что-же — оказывается, что тов. М — р не член И. Р. М., т. е. в списках имени его не нашли и красной книжки И. Р. М. ему не выда-

вали. Следовательно, такой тов., “по уставу организации”, оставляется на произвол судьбы. К счастью, тов. К., видя такое отношение со стороны организации, за которую М — р страдает передал товарищами на волю все подробности, — что его на днях депортируют и что М — р находится полуголый и босый, одоженка, которая у него имелась (то в чем его арестовали) так истрепалась, что никуда не годится. На воле товарищи откликнулись и собрали ему кое-какую одежду.

Мы не хотим хвастнуть своим великодушием — нет! Мы хотим показать, только, что литературы И. Р. М. дали тов. М — ру, не спрашивая, есть-ли у него красная членская книжка. А когда пришлось тов. М — ру очутиться в тюрьме, ему нужна была скорая помощь, — у него спрашивают членскую книжку! Таковой, конечно, не оказалось и потому — в помощи отказали!

Теперь спрашивается, где же лозунг “один за всех, и все за одного”?

— о —

Недавно в Детройте какой-то шут перевернул все полицейские участки (тайные и явные) вверх дном.

Какая-то безумно-влюбленная девица, жена которой, в виду безработицы — с целью найти таковую, а вместе и оседлое местожительство с своею “нареченною”, выехал в Детройт и, по каким-то особым причинам, не писал ей в продолжении целой недели, — сочла нужным в своем письме к нему высказать все те горести и печали — то мучительное и одинокое положение, в котором ей пришлось провести последнюю неделю, при чем, не забыла упрекнуть за такую халатность

Писать подробно и открыто все накопившееся у нее на душе, она, из-за боязни, что письмо может попасть под цензуру (о которой она кое-что слыхала), где узнают все их тайны, нашла не удобным.

Она решила прибегнуть к искусственному способу — написать письмо, что ее “ненаглядный” без особых трудов поймет. Решено, сделано.

Письмо было написано так, что человек

не “посвященный” не мог-бы понять, т.-е. оно было написано полуслогами, многоточиями, восклицательными и вопросительными знаками.

Как на зло, вопреки всем предосторожностям, письмо было вскрыто почтмейстером, которому дано было секретное предписание от правительства. Письмо, как и следовало ожидать, возбудило глубокое подозрение со стороны чиновника, и он поспешил передать его федеральным властям. Те, в свою очередь, весьма заинтересовались “таинственным письмом”, даже, по слухам, страшно переполошились. Хуже всего подозревалось что-то очень преступное в “многоточиях”.

На другой день, вся двойная полиция была поднята на ноги. Все правительственные здания караулились “невидимой” охраной, а также и здание всех чиновников и “сто процентных американцев” (последних охранял специальный телохранительный отряд из “американского легиона”).

Почтовому ведомству был дан приказ все письма и посылки строго просматривать, а в случае подозрительных и тяжеловесных посылок, требовать особых специалистов-химиков. В экспресную компанию были посланы тоже свои надежные люди.

На всех дорогах, ведущих из города, останавливались и обыскивались все, как въезжающие, так и выезжающие. Таким порядком это велось месяц и три дня, и ничего не удавалось открыть, а лишь за это время успели все участки и уездную тюрьму битком набить заподозренными и, пожалуй, не одному из них грозит тяжелое наказание.

Казалось, напрасные хлопоты городских властей; но не тут то было. В один прекрасный осенний день экспрес привез свой груз, рабочие выгружали, и уже почти было кончено, рабочий негр, уже последний ящик нес, согнувшись под своею ношею, которая не столько тяжела была, как не удобна.

Следившие зорко два сыщика за тем, чтобы кто-нибудь самовольно не утащил “таинственной неизвестности”, остановили рабочего с предложением, помочь ему поднести. Начали снимать с его плечь и, почувствовав особую

тяжесть, сразу побледнели и с большою осторожностью опустили ящик.

Один отступил на шагов пять, весь трясясь, как в лихорадке, не спуская глаз с ящика; другой, долго не медля, бросился к телефону, и через пару минут еще дюжина полицейских явилась, окружили ящик со всех сторон, как будто надеясь, что какая-то неведомая сила схватит и понесет его.

Пришел и специалист-химик и наскоро обошел ящик раз двадцать, понюхал воздух, вынул бинокль и стал издали смотреть. Затем осторожно начал приближаться ближе к ящику. Приблизившись, он тронул медленно рукой ящик, а потом вынул “специальный” инструмент и начал медленно открывать. Открывши ящик, он сильно испугался и в ужасе отскочил в сторону, полиция, видя это, метнулась, кто куда. Только минут через пять видя, что не получается взрыва и убедив себя мысленно, что, возможно, взрывчатые вещества не хорошего свойства, стали приближаться.

Но, каково же было удивление “специалиста”, когда он увидел, вместо бомб, простой, обыкновенный журнал на непонятном ему языке. Он потребовал переводчика, а сам осторожно перелистывал, каждый экземпляр боясь, что даже бумага с непонятными для него буквами может взорваться и причинить вред.

Переводчик явился. Взял журнал в руки и начал переводить слово за словом.

• Первое заглавие: “Волна”, второго он и сам не понимал... и только третье: “издание федер. анархистов-коммунистов” было понятно и переводчиком и охранной — все ясно.

Стали искать невинного виновника, что конечно, не представлялось большой трудности розыскать. Его скоро нашли и, казалось, дело в шляпе. Но и этим дело не окончилось.... Из каких-то источников местные городские власти узнали, что таковых у них под носом имеется бесчисленное множество. И теперь работают над проектом, чтобы как-нибудь переставить всех его единомышленников и симпатизирующих. Но как это сделать, вла-

сти никак не могут придти к заключению. Им удалось установить приблизительное количество членов и симпатизирующих идеалу анархического коммунизма. Число это равняется колоссальной цифре — большую часть местного населения.

Здесь ходят слухи о том, что федеральные американские власти ломают себе головы над разрешением чрезвычайно важных, в истории не бывалых, двух вопросах:

1) Чтобы арестовывать всех А.—К. и сочувствующих ихнему движению, 2) чтобы арестовывать всех без исключения, то-есть все рабочее население, ибо одних арестуют, а на их место, гляди, уж, как грибы после дождя, появляются другие. А потому рано или поздно, думают они, придется арестовывать всех, — так уж лучше, теперь, сразу всех в “кутузку”, и быть спокойными. Пока вопросы остаются открытыми. А который из них пройдет — покажет ближайшее будущее. Мы, конечно, склонны верить, что придет второй. Тогда, если рабочие не помешают, вся страна превратит-

ся в сплошную тюрьму.

— о —

На днях, из Нью Йорка, в Детройт приехала очень важная “персона”. Цель приезда, пока остается тайной. Догадчики говорят, будто-бы “она” намерена осведомить жителей нашего города о последних событиях на Марсе.

Конечно, Нью Йорк находится в тесной связи, как некоторые поговаривают, не только со всеми частями нашего грешного мира, но даже и со всеми небесными планетами. Кому же и знать о событиях на других планетах, если не Нью Йоркцам! (?)

Мнение почтенной детройтской публики о приезжей “персоне” очень, очень великое. А как встретят эту “достопримечательную особу” во время ее выступления перед уважаемой “ее” публикой — трудно заранее предсказать.

Детройтская публика очень пристрастна к “знаменитостям” и встречает их с изысканным почетом — иногда даже тухлыми яйцами.

Октябрь 1921 г.

Детройтчанин.

— о —

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ.

ПОЯСНЕНИЕ.

Ошибки в отчетах в 21 и 22 номерах.

В номере 21-ом в статье прихода по выручке “В.” в итоге следует быть вместо 72,80—57,80. Общий приход выразится в сумме не 1010,98,—а 995,98. И оставалось в кассе на 13-ое сент. не 674,92,—а 659,92.

В номере 22-ом в приходе за лит. и жур. “В.” была во второй раз помещена сумма из Е—та за “В.” 14,60, которая была уже помещена 21-ом номере.

Потому общий приход будет:

Остаток с 13-го сент.	659,92
За лит. и ж. “В” по 5-ое окт.	238,50
На дел. — та	291,70

Всего приходу: — — — 1190,12

В статье расхода в 22-ом ном., вместо: “Расход по изданию ж. “В”. — 100,00 “— следует читать:” Расход ред-ра за 4 недели. Затем, вместо “Расход по поездке д—та на И. А. К. 195,00” —следует читать:

“Выдано тов. Д. на расходы и на шифс-карту (Эта сумма не была израсходована: смотри отчет в 23-ем номере). Остаток в кассе на 5-ое окт. будет не 720,67 —а 692,07.

Отчет р. Колл. с 5-го окт. по 1-ое ноября:

Приход за лит. и жур. “В”:

От Р—го С—ря Нью Йорка — —	50,55
” Гарт. — рд., за “В” — — —	10,00
” Брид—рц, за “В” — — —	12,05
Из Н. Г. на, за лит. и “В” — — —	83,36
Вот—ри за “В.” и “А. К.” — — —	40,00
Мер—он, за лит. — — — — —	6,45

Гарт—рд, за “В” — — — — —	7,25
” зза лит. — — — — —	3,75

Итого — — — — — 213,41

Поступило на “Вильну Громаду”:

От тов. П. К—ча — — — — —	1,00
” ” И. Ф.—ман — — — — —	3,00
” Группы Роч.—ра — — — — —	16,00

Итого — — — — — 20,00

Приход на дел. — та:

От Ан—чия — — — — —	35,00
” Брид—рт — — — — —	25,00
” Н.—Г—на — — — — —	25,00
” Бал—о р — — — — —	25,00
” Вот—ри — — — — —	35,00
” Мер—ен — — — — —	5,00
” Фил.—фия — — — — —	15,00
” Гар—орд — — — — —	15,00
” Форд — Сити — — — — —	38,00

Итого — — — — — 218,00

Всего приходу:

Остаток с 5-го окт. — — — — —	692,07
За лит. и “Вол.” — — — — —	213,41
На “Вильну Громаду” — — — — —	20,00
На дел — та — — — — —	218,00
Возвращено тов. Д. — — — — —	196,00

Всего получилось: — — — — — 1338,48

Р а с х о д:

По изданию “В”, набор и машины —	100,00
Печать и бумага — — — — —	100,00
Починка пишущей машин. — — —	1,30
Расход. сек—ря за 2 мес. — — —	1,25
За упаковку “В” — — — — —	2,00
На содор. ред—ра до 1-го окт. — —	50,00
За размен чеков — — — — —	1,00
Выдано на рассылку “В” — — —	5,35

Итого — — — — — 261,90

Расходы разные:

Выданы полученные на “В. Г.” — —	20,00
Дано на издание “В. Г.” — — — —	70,00
Выписан жур. “Freedom” — — — —	10,00
Послано дел-ту из Рос. Н—жу — —	15,00
Пересылка денег — — — — —	1,60
Выдано взаим—но тов. Д. — — —	50,00

Телеграмма в Лондон — — — — —	6,60
Паспорта и виза — — — — —	5,30
Потеря за возврац. шифск. — — —	10,50

Итого — — — — — 189,00

Всего расходу:

По изданию “В” — — — — —	261,90
Разные — — — — —	189,00
Всего — — — — —	450,00

Всего приходу: — — — — — 1338,40

Всего расходу: — — — — — 450,90

На 1-ое нояб. остается — — — — — 887,58

Из этой суммы на делегата имеется: 545,50

Рев. Ком. А. К., М. Г.

Икс.

Отчет раен. Секр. гор. Н. И.

С, Апреля по, Октябрь, “1921” г.

Приход за “Вол-у” — — — — — 321,30

Расход, по Вол-е. — — — — — 3,05

Чистого прих. по “В” — — — — — 318,25

Приход по, литературе — — — — —

Добровольный фонд. изЕли, т. — — 50,00 |

От продажи литературы — — — — — 118,09

Общей суммы — — — — — 168,09

Расход. По литерат. — — — — — 78,72

Чистого прихода по литер. — — — — 90,37

Передано в федер. за “В—ну” — — — 318,25

” ” Литер. — — — — — 90,37

Итого — — — — — 408,62

Выдана литература тов. “депортир-м”.

“Волны” № № 12, 13, — — — — — 50. эк.

“Хлеб и В.” — — — — — 23. ”

Из, прог. Синд. Анар. — — — — — 53. ”

Анар. “Макая”, — — — — — 35. ”

Совр., Наука и Анар. — — — — — 25. ”

Анар. ” ” — — — — — 25. ”

Анар. ея, Фил. ея идеал., — — — — 25. ”

Что такое Анар. — — — — — 2. ”

Сочин. “М. А. Бах-на” в перепл. — — 80. ”

” его, же без пер. — — — — — 22. ”

Взаимная помощ. как факт Эволюции 70. ”

Речи Бунтовщика, — — — — — 20. ”

Будущее Общество — — — — — 10. ”

Двадцать лет тюрьмы, — — — — — 250. ”

Проверено: Ревизионной Комиссией М. Б. К. А.